

АЛЬБИНА ПОТАПОВА

НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из воспоминаний современников, как из мозаики, складывается облик одного из самых проникновенных лириков XX века Николая Михайловича Рубцова. Многие из мемуарных зарисовок стали хрестоматийно известными, например, “Затесь о Николае Рубцове” В. П. Астафьева. Другие знакомы небольшому кругу серьёзных исследователей и подлинных поклонников творчества поэта. Пожалуй, к числу последних можно отнести и очерк нижегородского писателя Александра Сизова “Рубцов на Ветлуге”.

С именем Сизова неразрывно связана нижегородская страница в судьбе и творчестве Н. М. Рубцова. До сих она остаётся малоизвестной, а вот поэму “Разбойник Ляля” хорошо знает каждый исследователь рубцовского наследия. Она была создана по мотивам известной ветлужской легенды:

*Мне о том рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе.*

Николай Рубцов побывал на нижегородской земле единственный раз по приглашению своего младшего товарища по учёбе в Литературном институте Александра Сизова в 1969 году. Около недели он гостил в родной деревне Сизова Ляпунове, вместе они совершили поездку по Ветлуге и пешеходное путешествие в починок (выселки) с ласковым названием Ляленка. Именно в Ляленке услышали друзья легенду о разбойнике Ляле от местной жительницы Марии Васильевны Кирбитовой. В очерке “Рубцов на Ветлуге” А. Сизов позднее пишет: “И услышали мы красивую лесную сказку о Ляле-разбойнике и его кладах, о лесной девке Шалухе и прекрасной княгине Лапшангской, о молодом атамане Бархотке. Коля загорелся сразу. Он даже не стал старушку дослушивать.

– Я напишу об этом, обещаю тебе, Саша. Только по-своему”¹.

Такова предыстория создания поэмы “Разбойник Ляля”, которую сам автор называл классической поэмой XX века. Поэма была написана осенью 1969 года в гостях у Василия Ивановича Белова в деревне Тимониха.

Вскоре Рубцов передал поэму в издательство “Советский писатель”, где у него готовилась к печати книга “Сосен шум”. В декабре он получил письмо от редактора сборника Е. С. Елисеева: “К сожалению, “быль” о разбойниках вставить не мог. Вылезала бы она из книжки каким-то причудливым и необязательным наростом. И главное – свела бы на нет наши старания высветлить, не пригладить, не прилизать, а именно высветлить колорит сборника”¹.

Ровно через год Рубцов окончательно доработал поэму, назвав её уже не “былью”, а “лесной сказкой”, и послал в газету “Литературная Россия”, но тоже получил отказ. Главный редактор К. Поздняев писал:

¹ Сизов А. Самая долгая дорога. Н. Новгород. Волго-Вятское кн. изд-во, 1991, с. 134.

“Дорогой Николай Михайлович! Лит. Россия — полугазета, полужурнал. В силу этого нам прямо-таки противопоказано печатать такие вещи, как Ваш “Разбойник Ляля”. Как бы ни была она мила, поэтична, это всё-таки весьма далёкая от нашей жизни сказка. ...Посылайте цикл стихов о том, что ближе к нашим дням, что созвучно чувствам и делам современников”².

И впервые поэма была опубликована уже после гибели поэта в журнале “Сельская молодёжь” в № 9 за 1971 год. Вторая публикация “Разбойника Ляли” состоялась в варнавинской районной газете “Новый путь” 4 декабря 1971 года.

Необычность поэмы, её героев, да и самого жанра “лесная сказка”, видимо, обуславливает тот факт, что “Разбойник Ляля” стоит несколько особняком в творчестве Н. М. Рубцова. Ляля, Бархотка, Шалуха... Есть основания полагать, что эти герои не вымышлены, а события поэмы имеют историческую подоплёку.

Вторая половина XVII века была отмечена бунтом казака Стеньки Разина. В 1670 году на Ветлугу пришёл большой отряд разинцев под предводительством Ильи Пономарёва-Долгополова. Варнавинский краевед А. А. Сысоев писал: “В ветлужских лесах гулял со своей шайкой разбойник Ляля... это один из атаманов Степана Разина, который жил в горах у самой Ветлуги недалеко от Варнавина (теперь Лялины горы)”³.

О тех смутных временах теперь напоминают только ржавые пушечные ядра, тесак и кистень из Варнавинского краеведческого музея да поэма Николая Рубцова “Разбойник Ляля”, которая тоже экспонируется в этом музее. Легенда о разбойнике гуляет во множестве вариантов по обеим сторонам Ветлуги. Рубцов “переработал” старинную легенду на свой манер, создал свой вариант. В итоге родилась лесная сказка “... о любви разбойника печальной”.

В интерпретации Николая Рубцова главными действующими лицами выступают, безусловно, Ляля и Бархотка. Весь накал поэмы в конфликте, в столкновении двух сильных мужских характеров. Столкнулись, по сути, два мира, две системы ценностей: любовь и желание обычного человеческого счастья — со стороны Ляли, и главная ценность “лихих людей” — деньги и свобода, которых твёрдо держится Бархотка. Бархотка — необыкновенно цельный образ у Рубцова, герой одной линии: смелый, решительный, непреклонный. “Только волей неба не покойник”. В этом суть его жизни и характера, стержень его личности.

Разбойник Ляля — сложный, противоречивый характер, дважды бунтарь (он бунтует против окружающего его мира, став разбойником; позднее — против морали и образа жизни самих “лихих людей”). Под влиянием любви меняется духовная сущность Ляли, и в итоге сердце его возвращается к тем первоистокам, от которых когда-то он отказался (дом, очаг, семья, христианские заповеди).

Поэма “Разбойник Ляля” создана в последние годы жизни Н. М. Рубцова (1969—1970), в ней отчётливо прослеживается уже сложившийся к тому времени особенный “рубцовский” стиль. Очень динамичное повествование, обилие действия, немногочисленные, но ёмкие эпитеты (земля угрюмая и греховная, сердце беспокойное, смутная жизнь, дремотный разговор, воля верховная, берег глухой). Как во всякой сказке, достаточно широко используются традиционные фольклорные сочетания (рай небесный, знатная молодка, ключевая влага, лес разбойный). И всё пронизано непередаваемой рубцовской иронией:

*Тут сверкнули ножики кривые,
Тут как раз и лёгкая заминка
Происходит в повести впервые:
Я всего не помню поединка, —*

которая и смягчает повествование, и одновременно делает его сказочно-далёким (вроде было, вроде нет: “Сказка ложь, да в ней намёк...”). Нагнетания трагического, страшного не происходит. Любовь Ляли светла и печальна. Вспомним последние строки поэмы:

*Но грустить особенно не надо,
На земле не то ещё бывало.*

¹ Цит. по кн: Рубцов Н. М. Собр. сочинений в 3 тт. Т. 2: Стихотворения 1967—1971; Шуточные стихи и стихи для детей, Переводы/Сост., прим. В. Зинченко. М., 2000, с. 279.

² Там же. Т. 1, с. 32.

³ Цит. по кн.: Монахов Д. Г. Прогулка по музею. Варнавин, 1995, с. 25.

Вариант Николая Рубцова является сугубо литературным, не соответствующим ни народной легенде, ни историческим фактам. Не случайно, видимо, поэт заменил первоначальное жанровое определение поэмы “быль” на другое — “сказка”. До “Разбойника Ляли” он не писал ни сказок, ни поэм. Возможно, именно с “лесной сказки” по ветлужским мотивам мог бы начаться новый этап его творческой биографии. Не случилось.

Николай Рубцов создал поэму о любви, её чудодейственным влиянии на самые заскорузлые сердца; поэму вне географических привязок, вне времени. Из глубины веков донесла она нам память о людях, их переживаниях и страстях: лесная сказка Рубцова незримыми нитями связывает времена, радуется и печалит человеческие души. И сегодня привлекают нас в ней отнюдь не разбойничья тематика или исторические параллели, а мир человеческих чувств.

В 2009 году исполнилось 40 лет с момента пребывания Н. М. Рубцова на нижегородской земле, 40 лет поэме “Разбойник Ляля”. В сентябре 2009 года отмечал бы свой 60-летний юбилей Александр Сизов, но, к сожалению, до этой даты он не дожил.

Эти даты послужили лейтмотивом “Сизовских чтений”, которые вот уже 7 лет проводятся на родине писателя А. Сизова в поселке Варнавино. Для земляков Александра Сизова они стали доброй традицией, возможностью ещё раз прикоснуться к поэзии Николая Рубцова, творчеству самого Сизова, данью памяти талантливым литераторам района.

С 2003 года имя А. А. Сизова носит поселковая детская библиотека, в которой организован музей писателя. В 2009 году именем Александра Сизова названа новая улица в Варнавино.

Александр Сизов стоял у истоков создания литературного музея Николая Рубцова в Дзержинске. Будучи ещё студентом Литературного института им. М. Горького, А. Сизов ездил на похороны Николая Рубцова в Вологду в январе 1971 года. Рубцову же Сизов посвятил стихотворение “Памяти друга”.

*Улица Коли Рубцова,
Вишни по скверам цветут,
После прощания снова —
Стыдно — впервые я тут.
Вологда. Город как пряник.
Горько — как будто в чаду,
Мимо музеев и храмов
Я на кладбище иду
Улицей Коли Рубцова
К холмику рыжей земли...
Лучше бы было, чтоб снова
С ним мы по улицам шли.
Ветер сырой и промозглый
Рвал ему полы пальто.
В ветреных улицах звёзды
Виделись...
Больше ничто!
Прячет озябшие руки...
Ах, осень, и зла и сыра!
— Мне больше всего на Ветлуге
Понравились вечера:
Да, правда, ещё пароходы,
И люди здесь ничего!..
Ветлуга... Лучистые воды
Струятся теперь без него.
Уплыли его пароходы,
Промчались его поезда
И только, как диво природы,
Горит над могилой звезда.*

Очерк Сизова “Рубцов на Ветлуге” был включён в том воспоминаний о Рубцове, изданный в Вологде в 1994 году. Достойное место воспоминания о Рубцове заняли в книге А. Сизова “Самая долгая дорога”. Включил этот очерк и Николай Попов в книгу “Николай Рубцов в воспоминаниях друзей” 2008 года издания.

В очерке “Рубцов на Ветлуге” Александр Сизов называет дату приезда своего старшего друга – година святого Варнавы, то есть совершенно точную дату – 24 июня. Ежегодно в этот день варнавинцы и гости посёлка празднуют годину Преподобного Варнавы Ветлужского.

Впервые на “Сизовских чтениях” прозвучали совершенно новые, неожиданные материалы о встрече поэтов в Варнавино. Для истинных поклонников творчества Н. М. Рубцова, исследователей его поэтического наследия, думается, небезынтересными покажутся воспоминания Зои Константиновны Ерополовой, журналиста, много лет проработавшей в районной варнавинской газете “Новый путь”. В 1969 году, о событиях которого вспоминает З. К. Ерополова, она работала в должности литсотрудника.

“Встречи в варнавинской редакции.

... И вот Николай Рубцов на варнавинской улице. И все прохожие смотрят на него как-то недоверчиво. Странный какой-то. Не наш. Маленький, сухонький, в рыжей дерматиновой курточке. Все солидные мужчины носили тогда тёмные костюмы, были степенны и высокомерны. А этот – не пойми что. Голова, правда, красивая, хоть и лысоватая. И глаза – неземные, постоянно меняющиеся, словно в них огонь полыхает. Никогда не видела таких глаз.

А Иван Сергеевич¹ радостно потирает руки:

– Поэт приехал. Настоящий. Большой.

И уже посылают гонца в магазин. Все мужчины редакции короткими перебежками перемещаются из прокуренного кабинета в соседний садик. Приём гостя ведётся под акациями. На деревянной скамейке – бутылки и стаканы.

А мы, женская половина редакционного коллектива, не допущенная к знакомству, прильнув к окнам, ахаем:

– Да что же он какой тощенький? Слово детдомовский недокормыш. У нас такие в 32-м детском доме воспитывались. Тоже особенные были – из Ленинграда эвакуированные. И талантливых много встречалось.

– Господи, а пьют-то как! Как трактористы в колхозе. И рукавом закусывают.

– Сколько они там ещё просидят?

Первая полоса наполовину не закрыта! А это мне уже ответственный секретарь приказывает:

– Звони скорее в колхоз, там, кажется, сенокос заканчивают.

Всё, смотреть в окно больше некогда. Да и что там увидишь? Как очередную бутылку принесли? Как руками размахивать начали – явно стихи читают. Чуть ли не все сразу. Интересно – хором или каждый своё? – размышляла я, названивая на коммутатор.

Время всё расставляет по своим местам. И страницей истории стала та давняя встреча. И кто только оказался в ней не задействованным потом. И чего только не присочинили лихие редакционные перья. Даже у Саши возникли в связи с этим сомнения – всё ли он правильно воспроизвёл, не придумал ли чего. И не удивительно. Память избирательна. Мы многое забываем или помним совсем не то, что было важно.

Меня удивила тогда Сашина задумка объединить рубцовский приезд с варнавинской годиной. Приезжал-то Николай Рубцов после праздника. Но Саша объяснил, что это такой литературный приём:

– Мы же любим свой Варнавин. Пусть и читатели узнают о наших традициях. Это интересно.

Да, в советские годы сохранить церковный престол, придав ему статус народного праздника, – это ж как извернуться надо было! Праздник сберегли, имя святого Варнавы сохранили в названии посёлка.

Элементов вымысла в повествованиях о варнавинских днях Николая Рубцова вполне достаточно. Долго нам всем не давала покоя курточка Сашиного друга. Но Саша мне объяснил:

– Замшевая она в моём описании – это для солидности. Года через два Рубцова вся страна будет знать, а тут какой-то убогий дерматин!

Но если у Саши такие “дополнения” простодушны, то у других авторов память далеко не бесхитростна. Но надо согласиться, что даже в явных искажениях истины просматривается в публикациях рубцовской тематики в районной

¹ Иван Сергеевич Грачев – журналист “Нового пути”, в 1969 году – заместитель редактора.

газете “Новый путь” не просто желание показать, как хороши мы рядом с большим талантом. Главное в них другое. Талант Рубцова действительно БОЛЬШОЙ (выделено автором. — А. П.).

Не приветив поэта на варнавинской улице, не организовав ни одной его встречи с читателями, не воздав ему должного, мы хотя бы не проглядели его. И что-то сделали для того, чтобы познакомить варнавинцев с творчеством поэта, опередившего своё время как минимум на два десятилетия.

Но вернёмся в 1969 год. Ещё вчера под кудрявыми — не ивами — под кудрявыми акациями Ленинского садика “разгулялся праздник невзначай”. А сегодня бодрый, как всегда, Иван Сергеевич веером раскинул на столе ответственного секретаря листочки со стихами машинописными, как “Шумит Катунь”, и рукописными. Читаем. Он вслух. Мы внимаем ушами и впитываем глазами совершенно неожиданные строки. Передаём листки из рук в руки.

*“Мать умерла. Отец ушёл на фронт.
Соседка злая не даёт прохода...”;*
*“Тихая моя родина! Ива, река, соловьи.
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...”;*
*“Не было собак, да вдруг залаяли.
Поздно ночью, что за чудеса...”;*
“Этот цветочек маленький как я любил и прятал...”;
“В этой деревне огни не погашены...”

Молчим, потрясённые.

Знакомая до боли, серая, утонувшая в грязи деревня с размытыми дорогами, убогими строениями, высокими звёздами и неяркими цветами. Как живая. Пронзительное. Настоящее. Ни на что не похожее творчество. НО... Такое?... В газету? Нельзя! Это клевета на советскую действительность. Мы коммунизм строим. Вдруг на Западе прочитают! Соседок злых у нас нет! Куполов церковной обители, да ещё и поросших травой — тем более нет! И школа уж слишком серая. А ворона так и вообще при чём? Да ещё весёлая.

Все сказали, что считали нужным. Уморились.

А из корректорской звонят — почему задерживаем гранки. Какие гранки? Ах, эти... Подхватываю их и вихрем — в коридор. И словно запнулась за что-то. И залилась краской. Так стыдно мне, пожалуй, никогда не было.

По коридору прохаживался неторопливо человек, стихи которого мы только что с восторгом читали и с упоением распинали. Боже, что было в его глазах! Боль. Страдание. Интерес. И жалость. К нам, убогим. Глаза человека, который знает о нас гораздо больше, чем мы сами знаем о себе. А уж о мире и тем более. Живые, говорящие, горящие неземным пламенем глаза поэта.

Увидев однажды, такие глаза забыть нельзя. Можно поверить, что забыла. Но увидела портрет Рубцова в музее¹. И мигом почувствовала тысячи иголок в кончиках пальцев. И поняла, что что бы мы ни делали, чтобы сгладить ту боль в его глазах, всего будет недостаточно.

Может быть, поэтому и обращались мы к стихам Николая Рубцова чаще, чем другие редакции. И праздник к 25-летию его пребывания в Варнавино затеяли такой широкий и массовый. К чистому роднику поэзии Николая Рубцова потянулись люди. И когда потом слышали по радио знакомые строки “В горнице моей светло” или “Светлыми звёздами нежно украшена тихая зимняя ночь”, в Варнавине эти песни узнавали, говорили — это наши песни. И мурлыкали про себя, и пели за столом. В “Новом пути” неоднократно давали подборки стихов Рубцова. И лесную сказку “Разбойник Ляля” не однажды печатали. И Сашины воспоминания”.

Вот так неожиданно узнаём мы новое о любимом поэте. В рамках “Сизовских чтений” 2009 года состоялась презентация книги избранного А. Сизова с символическим названием “Клад”. Конечно, в неё вошёл и очерк “Рубцов на Ветлуге”.

г. Дзержинск
Нижегородской области

¹ Портрет Н. М. Рубцова работы нижегородского художника А. Н. Подорогина в экспозиции музея поэта г. Дзержинска Нижегородской области.